

ПЯТЫЕ СИБИРСКИЕ ЧТЕНИЯ «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ СИБИРИ И СЕВЕРА»

17–19 октября 2001 г. в Санкт-Петербурге, в стенах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН состоялись очередные, пятые по счету, Сибирские чтения¹, организаторы которых (отдел этнографии Сибири) изначально поставили перед собой задачу привлекать к участию в чтениях как можно более широкий круг специалистов – этнографов, археологов, историков, лингвистов, фольклористов из разных научных центров страны для того, чтобы они могли обсудить ряд актуальных вопросов современной науки, ознакомиться с новыми результатами исследований культур народов самого большого российского региона. Сегодня изучение культурного наследия коренного населения Сибири, Севера и Дальнего Востока приобретает все большее практическое значение: социально-экономические и культурные проблемы на местах невозможно решать без знания истории и традиционной культуры живущих там людей. Эти проблемы в том или ином аспекте затрагивались многими докладчиками.

На Чтениях выступили известные специалисты и молодые исследователи из Санкт-Петербурга, Москвы, Омска, Якутска, Улан-Удэ, Екатеринбургa, Тулы, Сыктывкара, Салехарда, Ханты-Мансийска, Тобольска, Игарки, Абакана, Горно-Алтайска, Анадыря, Магадана, Нарьян-Мара, Комсомольска-на-Амуре, Новосибирска, представлявшие научно-исследовательские центры, вузы, музеи. После длительного перерыва в Сибирских чтениях приняли участие и наши коллеги из Эстонии (г. Тарту). Всего было прочитано 53 доклада. Заседания проходили по уже ставшей традиционной для Сибирских чтений форме: каждое из них посвящалось какому-либо кругу вопросов, после докладов следовали вопросы и реплики по поводу затронутых в них проблем. Завершались заседания дискуссией.

Первое и второе заседания были посвящены преимущественно проблемам формирования, развития и современного состояния этнических культур. Л.Р. Павлинская (С.-Петербург) в докладе «Национальные культуры Сибири в государственной политике и научной традиции советского периода» выделила наиболее существенные черты тех процессов, которые происходили в последние 70–80 лет, подчеркнула важность изменений в социальной и духовной сферах и поставила вопрос о необходимости более активного изучения ситуации в Сибири во второй половине XX в.

В докладе Арта Леэте (Тарту, Эстония) речь шла о конфликтах в Западной Сибири в 1920–1930-е годы, которые докладчик обозначил как этнокультурные, с чем не согласились многие из присутствовавших. В выступлении отмечалось, что для коренных народов Западной Сибири была характерна тактика игнорирования, отражающая типичную реакцию представителей традиционных культур на вторжение представителей европейской цивилизации в их жизненное пространство. Авторы XIX и XX вв. выделяли среди коренных народов более отсталые и более развитые (испытывавшие влияние русских или коми) группы. Докладчик обрисовал отношение хантов, манси, ненцев к изменению государственного строя, привел примеры различных конфликтов между коренными народами и русскими после установления советской власти. Открытые в настоящее время источники, по мнению докладчика, могут способствовать правильному пониманию реальной картины социальных отношений.

В докладе Е.А. Пивной (Москва) на общем фоне проблем малочисленных народов Севера были рассмотрены гендерные аспекты социально-демографической ситуации. Столкновение с индустриальной цивилизацией породило множество негативных явлений, в том числе и в семейной сфере (рост числа неполных семей, ослабление брачных уз в результате изменения образа жизни, оторванность от семей детей, содержащихся в интернатах и др.). Современная половозрастная структура отличается от традиционной тем, что существующая в ней диспропорция полового состава вызвана дефицитом мужчин, возникшим из-за их преждевременной смерти по так называемым неестественным причинам. Вместе с тем существует и проблема «дефицита невест»: женщины оказались менее ориентированными на традиционный образ жизни, они переезжают в города, предпочитают мужчин не из числа представителей коренных народов. Таким образом сужаются репродуктивные возможности коренных народов Севера.

В докладе Г.А. Дырхеевой (Улан-Удэ) говорилось о внутренних и внешних факторах национального-языкового развития на примере бурятского языка. Процесс национальной консолидации бурятского народа уже завершился, но единого бурятского литературного языка еще нет. Это объясняется целым рядом причин, среди них и то, что буряты проживают в трех национальных автономиях, а территориальная разбросанность способствует диалектной расчлененности. В докладе были выделены также субъективные (ценностные ориентации народа и др.) и объективные (численность бурят, их доля среди населения республики и т.д.) факторы. Наиболее важные факторы развития современного бурятского двуязычия делятся на положительные и отрицательные. В последнее время возрастает число субъективных факторов, воздействующих на языковую ситуацию. Детерминирующими среди объективных макрофак-

торов, по мнению докладчицы, являются численность бурят, их доля среди населения республики, государственная национальная, языковая и образовательная политика. Среди субъективных – национальное самосознание, «открытость» нации.

В совместном выступлении Ч.М. Таксами, В.К. Донченко, В.И. Горного и С.А. Черниковой (С.-Петербург) была поднята важная проблема – этноэкологической безопасности российского Севера. К числу наиболее острых вопросов докладчицы отнесли следующие: определение территорий, имеющих необходимый природный потенциал для долговременного устойчивого развития населения Севера, Сибири и Дальнего Востока; о приоритете прав на исконные земли коренных народов перед государственным и частным секторами. Для обеспечения перехода названных выше регионов на путь устойчивого развития необходимо разработать систему обеспечения этноэкологической безопасности и устойчивого развития Севера, Сибири и Дальнего Востока. Для этого авторы предлагают провести инвентаризацию состояния территорий, разработать индикаторы устойчивого развития регионов, а также систему обеспечения принятия научно обоснованных управленческих решений по природопользованию и расселению на основе учета традиций материальной и духовной культуры коренных народов, позволяющую способствовать восстановлению природной среды, возрождению и устойчивому развитию этносов. Осуществление этой программы может вылиться в подготовку практических рекомендаций по рациональному использованию территории Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Проблемам самосознания и самоопределения коренных жителей Циркумполярного Севера был посвящен доклад Н.Ч. Таками (С.-Петербург), которая рассмотрела их на примере населения Аляски, сформировавшего алеутско-русскую культуру. Один из основных ее элементов – православная церковь. Ее возрождению на Аляске во второй половине XX в. способствовало повышение политической активности коренного населения, возрождение его культуры, расширение сфер образования, медицинского обслуживания, улучшение экологических условий. Важным фактором, повлиявшим на все эти изменения, стало принятие в 1971 г. закона об удовлетворении исков коренного населения на землю, результаты действия которого на судьбы коренного населения Аляски были охарактеризованы в докладе.

О межэтнических контактах в сфере хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуры коми и обских угров в верховьях Печоры в XVIII – начале XX в. рассказал А.А. Чувьюров (С.-Петербург), подчеркнув при этом, что несмотря на длительность этих контактов, не обнаруживается каких-либо явных следов заимствований от обских угров в фольклоре коми. По мнению докладчика, причина здесь заключается в особенностях конфессионального быта коми Верхней и Средней Печоры: большинство из них – старообрядцы.

С докладом «Формирование и процесс адаптации группы ненцев Ямб-то в двадцатом веке» выступил Л.А. Валликиви (Тарту, Эстония). Эта группа сложилась на основе нескольких семей ненцев Большеземельской тундры, откочевавших на полярный Урал, спасаясь от коллективизации. Она сохранила традиции европейских ненцев-оленоводов, длительное время находясь в изоляции, которая закончилась лишь в начале 1990-х годов, в связи с политическими переменами. Большое влияние на ненцев общины Ямб-то оказывают баптисты, прибывшие из Воркуты и за шесть лет окрестившие приблизительно четверть немецкой группы.

А.И. Тоцев (Игарка) в своем докладе привел обширные материалы, свидетельствующие о том, что современный город Игарка построен недалеко от места, где в начале XVIII в. располагалось поселение Игарка.

С.Н. Корусенко (Омск) посвятила выступление проблемам изучения этнического самосознания татар Сибири, остановившись на наиболее существенных моментах, связанных с их этнической идентификацией. Сознательно используя название «татары Сибири» вместо распространенного «сибирские татары», докладчица подчеркивает многокомпонентность их этнического состава. Результаты опроса современного населения показали, что информанты видят наибольшие различия между сибирскими татарами и переместившимися в Сибирь в конце XIX–XX в. казанскими. Оказавшиеся здесь значительно раньше бухарцы уже частично ассимилированы. В последние годы ассимиляционные процессы активизируются.

В докладе М.Л. Березновой (Омск), построенном на результатах опросов 1998–2000 гг., говорится об этничности русских Сибири, о том, как сами они ее определяют, как оценивают генетическую и культурную связь с русским этносом вообще и с той его частью, которую по отношению к Сибири можно назвать «российской». Результаты этих опросов показали, что, по мнению сельского населения Западной Сибири, наиболее важными основаниями этнической самоидентификации служат язык, внешность и происхождение.

Е.А. Михайлова (С.-Петербург) в своем докладе выделила основные признаки, которые свидетельствуют о преемственности в культуре и этническом развитии азиатских эскимосов на протяжении двух последних тысячелетий. Особое внимание было уделено преемственности в мировоззренческой сфере, что подтверждается результатами анализа мелкой костяной пластики.

Совместное выступление Е.П. Мартыновой (Тула) и Е.А. Пивневой было посвящено современному состоянию традиционных отраслей хозяйства обских угров. В докладе подчеркивалось, что наиболее распространенным занятием сейчас оказалось рыболовство как приносящее ощутимую прибыль и позволяющее обеспечить пищевой рацион семьи. Былое же значение охоты утрачено даже в тех районах, где она может играть существенную роль. Остро стоит и проблема оленеводства, связанная с сокращением пастбищ, с нерентабельностью этой отрасли, так как на территории Ханты-Мансийского автономного округа нет материальной базы для полной переработки продукции оленеводства. В докладе были обозначены также причины упадка традиционных хозяйственных занятий. Одна из важнейших среди этих причин – экологическая. Относительно той части населения, которая стремится сохранить свою этническую самобытность, необходимо рассматривать перспективы восстановления былой значимости традиционных отраслей.

В докладе Т.Ю. Журавлевой (Нарьян-Мар) «К вопросу о создании летней кочевой школы для единоличников общины "Ямб-то" в Большеземельской тундре» говорилось об истории создания кочевых школ, их функционировании в конце XX в. как наиболее соответствующей образу жизни оленеводов формы обучения, не разрушающей традиционный уклад жизни. О.Н. Яхно (Екатеринбург) рассмотрела образ детства в представлениях городских жителей рубежа XIX–XX вв., формирование моделей поведения которых оказывало влияние на образ жизни всех жителей России.

А.А. Орехов (Магалан) охарактеризовал канчаланскую культуру Восточной Чукотки, которая отмечает переход от континентального хозяйства к приморскому. Ее отличала двойная стратегия системы жизнеобеспечения, при которой в равной степени эксплуатировались морские и континентальные биоресурсы.

О широких возможностях трасологического метода при анализе археологических и этнографических материалов, а именно деталей оленьей упряжи, сообщила Н.А. Алексашенко (Екатеринбург). В докладе З.И. Рандымовой (Салехард) шла речь о меховой одежде хантыйских женщин, были перечислены все ее варианты, выделение которых обусловлено особенностями материала и расцветкой.

Три заключительных доклада второго заседания были посвящены анализу орнаментированных предметов. Е.Г. Федорова (С.-Петербург) рассказала о подушках северных манси, изготавливаемых перед свадьбой. Узор на них обозначал принадлежность невесты к определенной группе или выражал желание большого потомства и благополучия. Ф.М. Фаткуллина (Омск) рассмотрела деревянные изделия тарских татар, орнаментированные в разных видах техники, выявив наиболее архаичные узоры и поздние заимствования. И.К. Киднекова (Абакан) в докладе, сопровождавшемся демонстрацией слайдов, охарактеризовала различные варианты одного из распространенных хакасских узоров, акцентировала внимание на его происхождении и семантике. Это узор-оберег *Ымай хоос*, воспринимаемый как образ матери-прародительницы.

В самостоятельное (третье) заседание были выделены доклады, касающиеся источников – письменных и музейных, а также организации музейного дела. М.Х. Белянская (С.-Петербург) осветила вопрос об использовании материалов китайских летописей при изучении этнической истории тунгусо-маньчжурских народов нашей страны. А.А. Бурыкин (С.-Петербург) подробно проанализировал один из документов середины XVIII в. («Роспись от Охоты реки...»), предложил объяснения содержащихся в ней топонимов, что уточняет представление о расселении тунгусов и коряков в этот период. В.Н. Кисляков (С.-Петербург) остановился на истории формирования, экспонирования и главным образом публикации сибирских коллекций МАЭ РАН. И.Д. Ткаченко (С.-Петербург) рассказала о деятельности Ф.Я. Кона по собиранию материалов по этнографии тувинцев для Этнографического отдела Русского музея императора Александра III (современный Российский этнографический музей), благодаря которой в фондах РЭМ оказалось около 1500 предметов, охватывающих практически все стороны жизни тувинцев.

Большой интерес вызвал доклад И.И. Романовой (Анадырь), сообщившей о современном состоянии и перспективах музейного дела в Чукотском автономном округе.

Два доклада были посвящены айским коллекциям. И.А. Карапетова (С.-Петербург) охарактеризовала коллекцию по айнам, принадлежавшую бывшему Музею народов СССР, после его расформирования переданную (1948 г.) в Государственный музей этнографии народов СССР (ныне – РЭМ) и составляющую наиболее раннюю по времени часть собрания этого музея по айнам. В совместном докладе А.М. Соколова и В.А. Киселя (С.-Петербург) речь шла о двух чашах – деталях японских туалетных наборов, попавших в результате торговли к айнам и использовавшихся ими в качестве сосудов для культовых напитков.

Об экспедиционной и собирательской деятельности среди алеутов в 1909–1911 гг. известного исследователя В.И. Иохельсона сообщил в своем докладе С.А. Корсун (С.-Петербург).

Следующие, четвертое и пятое, заседания были посвящены мировоззрению, религиозным представлениям, народным знаниям, обрядам народов Сибири и Севера. М.В. Серченя (С.-Петербург) в докладе, построенном главным образом на фольклорных источниках, рассмотрела комплекс представлений об

ржающем мире одного из самых малочисленных народов Севера – энцев. Данные их фольклора, по мнению докладчицы, хорошо подтверждают положение, согласно которому установление основных бинарных оппозиций в процессе создания мифологической картины мира стало базой организации жизни традиционного общества.

Н.В. Ермолова (С.-Петербург), основываясь на лингвистических данных и материалах мифологии, рассказала о восприятии эвенками окружающего пространства. Как считает докладчица, освоение эвенками территорий их современного расселения происходило в соответствии с их кочевой мифологической моделью мира.

В докладе А.Б. Островского (С.-Петербург) были проанализированы тексты нивхских мифов с целью реконструкции числового образа мироздания как целого. Мироздание уподобляется году, его числовой образ может быть представлен формулой *не пять или три, а двоица, т.е. и пять и три*. Т.А. Кубанова (Комсомольск-на-Амуре) изложила содержание концепции эволюции мира нанайцев рода Самар, у которых основной механизм управления Вселенной реализуется через образ мирового дерева. В.Баррала Сегарра Рэнэ (С.-Петербург), базируясь на методике, разработанной Сантильяной и фон Дешенд, суть которой сводится к тому, что все мифы следует рассматривать как вполне конкретную информацию о космических явлениях, наблюдаемых с Земли, проанализировала космогонические мифы тюрко-монгольских народов с целью выявления в их пантеоне планетарных божеств. Признаки сатурнианского божества имеют наиболее почитаемый алтайскими народами бог Ульгень и его брат-близнец Эрлик, некоторые юпитерианские признаки обнаруживает кумандинское божество Пайне, выполняющее функцию охраны миропорядка. Т.Д. Крыникова (Улан-Удэ) предложила свою трактовку образа Умай (божества тюрко- и монголоязычных народов) в плане определения наиболее раннего его архетипа. По мнению докладчицы, теонимом Умай у древних тюрков обозначалось божество-Солнце, что может рассматриваться как наиболее древний архетип, связанный с влиянием индоевропейской традиции через участие в этногенезе народов региона западнее Байкала индоевропейцев.

В докладе Н.А. Тадной (Горно-Алтайск) через призму половозрастных, а также коммуникативных градаций был освещен вопрос о месте человека в модели мира алтайцев. Ю.Г. Кустова (С.-Петербург) охарактеризовала представления о душе у хакасов. Под этим термином объединяется множество субстанций (сущностей) человека, проявляющих свои свойства в различные периоды его жизни.

Материалы по обрядам, связанным с рождением ребенка у сосвинско-ляпинских манси, были изложены в докладе В.С. Ивановой (Ханты-Мансийск), у юкагиров в докладе Э.С. Атласовой (Якутск). С.В. Сотникова (Хабарова) (Тобольск) с использованием материалов этнографии, археологии, мифологии, лингвистики рассмотрела вопрос о семантике ритуальных действий при создании погребального сооружения. В.Э. Шарпов (Сыктывкар) ознакомил присутствующих с новыми данными по поминальной обрядности, полученными во время экспедиции 2000 г. к хантам Шурышкарского р-на Ямало-Ненецкого округа Тюменской обл.

Как ритуальное средство соединения двух оппозиций мифологического пространства – «своего» и «чужого» у якутов в докладе Н.А. Стручковой (Якутск) был охарактеризован круговой танец «осухай», исполнявшийся на традиционном празднике встречи нового года. Танцевальному искусству, но уже эвенков, их отдельных групп, посвятила свой доклад и Л.В. Сицева (Якутск), обозначив признаки свидетельствующие о его связи с обрядовой практикой.

О специфике масленичных обрядов русских Сибири сообщила Г.В. Любимова (Новосибирск). Как считает докладчица, в новых природно-климатических и социокультурных условиях произошло оживление неких глубинных архетипов сознания и поведения русских сибиряков, что выразилось и в такой, по мнению старожил, уходящей своими корнями в события сибирской истории, масленичной забаве, как «взятие снежного городка». В докладе были проанализированы элементы обрядности, образующие своего рода «мужской текст».

Три доклада были посвящены шаманству у народов Сибири. Д.В. Герасимова (С.-Петербург) рассказала об уникальных материалах по шаманству вогулов (манси), собранных в 1888–1889 гг. известным венгерским ученым Б. Мункачи. Т.Д. Булгакова (С.-Петербург) в докладе, построенном на собственных полевых материалах, рассмотрела вопрос о роли в шаманской практике нанайцев такого ее элемента, как «чудо», демонстрация которого особенно важна в момент перехода шамана от низшего статуса к высшему. Т.Ю. Сем (С.-Петербург) остановилась на характеристике образа шамана-первопредка в фольклоре и ритуальных предметах айнов.

Собственные полевые материалы легли в основу доклада В.П. Дьяконовой (С.-Петербург) о лечебных обрядах тувинцев, у которых особое место в лечебной практике отводилось ламам. Данные о народном календаре, связи погодных условий и здоровья были приведены в докладе С.Н. Терешкина (С.-Петербург). С.В. Голкова (Екатеринбург) проанализировала «исцеления» от Симеона Верхотурского как источник по традиционной народной медицине русских Сибири.

Последнее, шестое, заседание открылось докладом Н.И. Новиковой (Москва), выступившей с предварительными замечаниями относительно феномена молчания в культуре коренных народов Западной Сибири и поставившей вопрос о необходимости его дальнейшего изучения. М.А. Лапина (Ханты-Мансийск) рассмотрела инвективные формы общения в традиционной и современной культуре хантов. Э.В. Тулуз (Тарту, Эстония) охарактеризовала ненецкий фольклор, подробно остановившись на его повествовательных жанрах у лесных ненцев.

Выступавшие в завершившейся Чтениях общей дискуссии (Т.Д. Скрынникова, И.К. Кидиекова, С.Н. Корусенко, Д.В. Герасимова, В.П. Дьяконова) отметили важность проведения таких способствующих укреплению научных связей конференций, как Сибирские чтения. По результатам работы было обсуждено и принято решение Пятых Сибирских чтений, в котором констатировалось, что тематика представленных на Чтениях докладов охватила практически все стороны сибиреведения, а также музееведческую проблематику, в том числе вопросы формирования, изучения, популяризации музейных коллекций. Большое внимание было уделено фундаментальным и всегда актуальным для науки вопросам этногенеза и этнической истории, самосознания, историко-культурных взаимоотношений этносов, их адаптации к окружающей среде, различным аспектам материальной и духовной культуры, языкам и фольклору народов Сибири. Этнические культуры, конкретные этнографические реалии рассматривались докладчиками в политическом, социально-демографическом, культурологическом, историческом контекстах. С большим удовлетворением было отмечено присутствие на Сибирских чтениях специалистов из числа представителей коренных народов.

Участники Сибирских чтений считают необходимым уделять большее внимание подготовке специалистов по актуальным направлениям сибиреведения. Шестые Сибирские чтения решено провести в 2004 г.

Материалы Пятых Сибирских чтений предполагается издать в виде сборника докладов.

Примечание

¹ Сибирские чтения проводятся в МАЭ РАН раз в три года. Публикации материалов предыдущих чтений см.: Сибирские чтения 1992 г. К 90-летию со дня рождения А.А. Попова. 11–13 ноября 1992 г. Тез. докл. СПб., 1992; Культура народов Сибири: Матер. Третьих Сибирских чтений. СПб., 1997; Культурное наследие народов Сибири и Севера: Матер. Четвертых Сибирских чтений 12–14 октября 1998 г. Санкт-Петербург. СПб., 2000.

Е.Г. Федорова

© ЭО, 2003 г., № 2

БАСИЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ-2002

5 июня 2002 г. в Институте этнологии и антропологии РАН в рамках ежегодных «Басиловских чтений» состоялся семинар «Памир и памирцы: история, культура, религия». В нем приняли участие сотрудники ИЭА, Института языкознания и Института востоковедения РАН, Московского государственного университета, а также представители памирской диаспоры в Москве. Вел семинар заведующий отделом Средней Азии и Казахстана ИЭА В.И. Бушков.

Со вступительным словом к собранию обратился председатель памирской общины в Москве Б.Б. Лашкарбеков (Институт языкознания РАН). Он поблагодарил присутствующих за проявленный интерес к проблемам Памира и его населения.

На семинаре был заслушан ряд докладов и сообщений. Л.Р. Додыхудоева (Институт языкознания РАН) в докладе «Памирский дом и его терминология» проследила изменение устройства памирского жилища на протяжении XX в. Докладчица отметила, что трансформация самого дома тесно связана с изменением значений слов, обозначающих жилище и его отдельные части. Иными словами, в связи с введением строительных новшеств, таких, например, как устройство окон, современных дверей, очагов, меняется и смысл традиционных терминов, обозначавших элементы конструкции дома и локальных пространств внутри дома. Обсуждая доклад, Ш.А. Шакарбеков (МАДИ) сделал добавление, касающееся предания о происхождении отдельных элементов строения памирского дома. Б.Б. Лашкарбеков, говоря о пространственной ориентации дверей, отметил, что традиционно предпочтительной была восточная ориентация, но фактически строили так, как позволяли ограниченные местные условия. Г.Д. Раджабе